УДК 82-95:811.161.1”1946/1956”

Т. В. Данилович

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

РЕЦЕПЦИЯ ТЕОРИИ ЧИСТОГО ИСКУССТВА В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ 1946–1956 гг.

На основі матеріалів провідних літературно-художніх і суспільно-політичних журналів СРСР («Новий світ», «Жовтень», «Прапор», «Зірка») розкрито ступінь затребуваності «мистецтва для мистецтва» як об’єкта осмислення в радянській літературній критиці першого післявоєнного десятиліття. Визначено основні аспекти та особливості інтерпретації теорії чистого мистецтва, фактори, що задали вектор її сприйняття в означений період. Показано роль керівництва Комуністичної партії у виникненні підвищеної уваги з боку критики до теми «мистецтва для мистецтва» і творчих шукань його апологетів. Виявлено письменників, літературні течії і угруповання, які уособлювали в радянській критиці 1946–1956 рр. чисте мистецтво, і художники слова, суспільно-політичні діячі, які відігравали роль авторитетних фігур у боротьбі з «мистецтвом для мистецтва». Порушено питання про характер претензій, що пред’являються першим. Розглянуто, як літературні критики даної епохи підносять той факт, що деякі представники російської літератури, що стали зразками протистояння чистого мистецтва, не завжди дотримувалися такої естетичної позиції. Проаналізовано своєрідність рецепції крізь призму чистого мистецтва історії російської літератури і тенденцій розвитку західноєвропейської і американської культури. Акцентовано увагу на прагненні радянських критиків пояснити причинами політичного характеру заохочення владою західних країн проповіді «мистецтва для мистецтва». Осмислено і характер обговорень питання про допустимість орієнтації на принципи чистого мистецтва в літературній критиці. Виявлено традиційне і нове в розумінні теорії «мистецтва для мистецтва» в повоєнні десятиліття в порівнянні з довоєнною епохою.

Ключові слова: «мистецтво для мистецтва», творча свобода, мистецтво і політика, утилітаризм, принцип партійності літератури.

На основе материалов ведущих литературно-художественных и общественно-политических журналов СССР («Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Звезда») раскрыта степень востребованности «искусства для искусства» как объекта осмысления в советской литературной критике первого послевоенного десятилетия. Определены основные аспекты и особенности интерпретации теории чистого искусства, факторы, задавшие вектор ее восприятия в обозначенный период. Показана роль руководства Коммунистической партии в возникновении повышенного внимания со стороны критики к теме «искусства для искусства» и творческих исканий его апологетов. Выявлены писатели, литературные течения и группировки, олицетворяющие в советской критике 1946–1956 гг. чистое искусство, и художники слова, общественно-политические деятели, играющие роль авторитетных фигур в борьбе с «искусством для искусства». Затронут вопрос о характере претензий, предъявляемых первым. Рассмотрено, как литературные критики данной эпохи преподносили тот факт, что некоторые представители русской литературы, ставшие образцами противостояния чистому искусству, не всегда придерживались такой эстетической позиции. Проанализировано своеобразие рецепции сквозь призму чистого искусства истории русской литературы и тенденций развития западноевропейской и американской культуры. Акцентировано внимание на стремлении советских критиков объяснить причинами политического характера поощрение властями западных стран проповеди «искусства для искусства». Осмыслены и характер обсуждений вопроса о допустимости ориентации на принципы чистого искусства в литературной критике. Выявлено традиционное и

© Т. В. Данилович, 2017

новое в понимании теории «искусства для искусства» в послевоенное десятилетие в сравнении с довоенной эпохой.

Ключевые слова: «искусство для искусства», творческая свобода, искусство и политика, утилитаризм, принцип партийности литературы.

Based on the materials of the leading literary, art and socio-political magazines of the USSR («Novy mir», «Oktyabr», «Znamya», «Zvezda»), the degree of demand for «art for art» as an object of comprehension in the Soviet literary criticism of the first post-war decade is revealed. The main aspects and features of the interpretation of the pure art's theory, the factors that set the vector of its suchlike perception in the designated period are determined. The role of the Communist Partys governance in the emergence of increased attention from critics to the theme of «art for art» and creative searches of its apologists is shown. Revealed writers, literary trends and groups, personifying in Soviet criticism 1946–1956 pure art, word artists, social and political figures, playing the role of authoritative figures in the fight against «art for art.» The question of the nature of the claims made to the supporters of the art's purity is touched upon. It is examined how the literary critics of this era present the fact that some representatives of Russian literature that have become examples of opposition to pure art have not always adhered to such an aesthetic position. The originality of reception is analyzed through the prism of pure art in the history of Russian literature and the development tendencies of Western European and American culture. Attention is focused on the desire of Soviet critics to prove the political nature of the reasons for encouraging by the authorities of Western countries to preach «art for art.» The nature of the discussion of the question of the admissibility of orientation to the principles of pure art in literary criticism is also being examined. The traditional and the new in understanding the theory of «art for art» in the post-war decade in comparison with the pre-war era is revealed.

Keywords: "art for art", creative freedom, art and politics, utilitarianism, literature's partyness.

Актуальная в литературной критике 1920–1930-х гг., тема чистого искусства приобретает новую остроту звучания в первое послевоенное десятилетие, что связано с докладом А. Жданова и постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах "Звезда" и "Ленинград"». В этих документах «искусство для искусства» и советские писатели, причисляемые к разряду его апологетов, становятся важнейшими объектами порицания. Наибольшее количество упоминаний о чистом искусстве в литературно-критических журналах послевоенной поры приходится на 1946 (с момента обнародования доклада и постановления) – 1948 гг. При этом общая направленность интерпретации этой теории сохраняется на протяжении всего послевоенного десятилетия.

Советская литературная критика отзывается одобрительными откликами на указания партии [см. : 4; 9; 10; 15; 16; 22; 26; 27; 34; 37 и др.]. А. Макаров отмечает их «решающее значение в развитии нашей литературы», утверждает, что они дают писателям «уверенность и силу ориентировки в их творческой работе», освещают «дальнейший путь ясным светом теории» [22, с. 190].

Е. Ковальчик утверждает, что с постановления начинается новая фаза развития советской литературы, предполагающая в том числе решительную войну с эстетством и аполитичностью [16].

Литературно-критические статьи этого времени пестрят цитатами из доклада Жданова и постановления «О журналах "Звезда" и "Ленинград"». Часто в поле зрения критики оказывается ленинская статья «Партийная организация и партийная литература», упоминаемая в ждановском докладе с целью отстаивания принципа партийности литературы [см. : 2; 8; 9; 15; 28; 37; 43–45 и др.]. Вслед за Ждановым в послевоенной литературной критике рядом с Лениным в борьбе против аполитичного искусства ставится Сталин [см. : 28; 44 и др.]. Б. Яковлев указывает на то, что именно Сталин «раньше всех и глубже всех осознал историческое значение ленинской статьи» [44, с. 148].

Повторяя и развивая ленинские суждения, прозвучавшие в статье «Партийная организация и партийная литература», критика послевоенного времени разоблачает основополагающие для чистого искусства лозунги беспартийности печати, аполитичности и творческой свободы [см. : 8; 10; 20; 27; 33; 43–45 и др.]. «Вне политики невозможна великая поэзия», – уверяет В. Перцов [27, с. 172]. По убеждению Б. Яковлева, свобода творчества, провозглашаемая адептами чистоты литературы, есть «свобода от передовых идей своего времени, от гражданского долга поэта перед своим народом, от его духовных запросов и эстетических принципов» [46, с. 231].

Идее аполитичности художественной реальности советские критики противопоставляют принцип партийности литературы, защита которого зачастую сопровождается акцентированием роли партии в его утверждении и противодействии чистому искусству [см. : 28; 43 и др.]. Со страниц ведущих журналов звучат признания литераторов: «Вся советская литература – родное детище Коммунистической партии» [11, с. 164]; «Своими успехами советская литература обязана Коммунистической партии» [19, с. 246]. В представлении В. Кожевникова, советские писатели являются «общественными, политическими деятелями, находящимися на переднем крае жизни нашего общества и облеченными большим политическим доверием партии и государства» [19, с. 263].

Актуализируется и такой аспект вопроса об искусстве и политике, как подлинная и мнимая свобода творчества. Утверждается, что советское искусство «свободней, независимей и чище» западного искусства, зависящего от денежного мешка [28, с. 167], что подлинную свободу советской литературе обеспечила ее открытая связь с «интересами народа, идеями Коммунистической партии, с политикой Советского государства» [8, с. 216].

Сохраняется традиция обвинения сторонников чистого искусства в нечистоплотности, попытке скрыть за маской аполитичности неблаговидные политические намерения [см. : 8; 27; 30; 42; 46 и др.]. «Проповедь безыдейности, теории «искусства для искусства» не помешала символистам (исключения были редки) встретить в штыки революцию 1905 года и прославлять захватнические планы русского царизма в годы империалистической войны» [24, с. 208], – замечает Н. Маслин. Попытки отстаивать лозунг чистого искусства в литературной жизни 1920-х гг. Л. Плоткин расценивает как стремление писателей-противников революции превратить литературу в «рупор враждебных идей» [29, с. 217].

Разоблачение «лицемерия» сторонников чистого искусства советская критика осуществляет и на материале литературной жизни периода Второй мировой войны и послевоенного времени [см. : 5; 13; 14; 22 и др.]. Отбор и оценки анализируемых фактов в большинстве своем отличаются односторонностью и тенденциозностью.

Негативно отзываясь о зарубежных писателях XX в., исповедующих отстраненность художника от общественно-политической жизни, советские критики высказывают мысль о том, что многие из тех, кто провозглашал уединение в «башне из слоновой кости», встали на путь предательства рода человеческого [см. : 13; 21; 40 и др.]. Подтверждением этого служат имена *Э. Паунда* – одного «из главных пропагандистов аполитичного искусства», который в годы войны оказался «рупором фашистских идей Бенито Муссолини, пропагандистом человеконенавистничества, призывающим своих соотечественников американцев к измене» [13, с. 215], *К. Гамсуна*, декларировавшего идею независимости художника, а в военное время ставшего «прислужником фашистских оккупантов» [22, с. 155], *П. Валери*, выступившего «с восхвалением фашистского обмана, мнимых благ фашистской диктатуры и иерархии» [40, с. 303].

Помимо этого отмечается и лицемерие литературной критики союзнических стран, которая в годы войны с Германией пишет «восторженные рецензии о наших книгах, преисполненные слащавости и умиления» [21, с. 230], а в послевоенное время негативно оценивает советское искусство, встает на сторону писателей, прорабатываемых в ждановском докладе и постановлении ЦК ВКП(б), выполняя роль «адвокатов чистого искусства», обнаруживая тем самым «свою истинную неприглядную сущность, свое подлинное лицо озлобленных врагов советского искусства и всей передовой литературы» [21, с. 231].

Е. Брандис рассматривает «искусство для искусства» в условиях послевоенной реальности как одно из идеологических оружий США – «центра мировой империалистической реакции». Согласно критику, пропагандируемая империалистами теория «космополитического, «общечеловеческого» искусства, «свободного» от каких бы то ни было национальных и местных «ограничений» на практике оказывается не отличимой от произведений, создаваемых «самыми отъявленными мракобесами и поставщиками дешевого бульварного чтива» [5, с. 174].

За аргументами в пользу идеологизированности советского искусства критика рассматриваемого периода нередко обращается к истории развития русской литературы [см. : 8; 16; 21; 33 и др.]. Согласно Б. Соловьеву, тенденциозность – «драгоценная традиция» русского реализма [33, с. 139]. А. Дементьев и С. Сутоцкий утверждают: «Русская классическая литература была проповеднической и публицистической литературой, и это не только не помешало, но помогло ей завоевать первое место в мире по идейности и художественности» [8, с. 216]. В противовес этому вклад сторонников чистого искусства в развитие русской литературы отрицается: «Что же касается литературных группировок и «течений», кричавших о чистом искусстве, о беспартийности литературы и кичащихся тем, что их участники пишут «не для пропаганды», то они не создали и не могут создать в искусстве ничего значительного, они оказались и не могут не оказаться бесплодными, как библейская смоковница» [8, с. 216]. Мысль об ущербности результатов творческой деятельности приверженцев «искусства для искусства» в критике послевоенного десятилетия встречается неоднократно [см. : 17; 24; 27 и др.]. Причем к числу нелицеприятных высказываний в их адрес в период кампании против космополитизма добавляется обвинение в «тупой зависимости от иностранщины», что усматривается, например, в ориентации символистов и акмеистов на эстетические установки представителей западной «упадочной, ущербной буржуазной культуры» (Ш. Бодлера, Т. Готье, Л. де Лиля, О. Уайльда и др.), проповеди декадентами уайльдовского принципа искусства как лжи [36, с. 125].

В послевоенную эпоху благодаря докладу А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» и постановлению Оргбюро ЦК ВКП(б), принятому 14 августа 1946 г., наряду с уже существовавшими появляются новые ключевые фигуры русской литературы, олицетворяющие чистое искусство. Литературно–критические статьи 1946–1948 гг. изобилуют обличительными выпадами против Ахматовой и Зощенко, «Серапионовых братьев» и акмеизма, русской модернистской литературы в целом [см. : 7; 8; 14; 24; 28; 29; 32; 37; 38; 39; 41; 43 и др.]. Б. Плоткин называет Зощенко «проповедником безыдейности» [29].

И. Сергиевский характеризует поэзию Ахматовой как «одно из самых характерных и выразительных явлений буржуазной литературы периода реакции» [32, с. 192]. С точки зрения А. Караваевой, нелепыми предстают в своих творческих устремлениях «декаденты, модернисты, мистики, символисты и прочая, и прочая», которые, подобно голому королю, «облачились в воображаемые плащи «чистого искусства» и провозглашали себя ревнителями «чистой красоты», жрецами формы ради формы» [14, с. 220]. Б. Яковлев расценивает преклонение перед Хлебниковым, мысль о бесценном значении его творческого на-

следия как легенду, сознательно созданную теми, кому выгодно «дезориентировать молодые литературные кадры, воспитать их в духе безидейности, аполитичности и других традиций реакционного буржуазного искусства» [46, с. 231]. Д. Данин, говорит о ненужности возрождения эстетических идеалов акмеизма в советском искусстве: «Но когда вокруг – «дела по горло, рукав по локти», – поиски бесцельной, отвлеченной красоты мешают тем, кому чужды беззаботность и праздность. Они мешают, как всякое проявление аполитизма, как всякое желание самоустраниться от основных вопросов жизни нашего общества» [7, с. 168].

Наряду с именами русских писателей-сторонников чистого искусства в литературной критике 1946–1956 гг. можно обозначить и часто озвучиваемые имена писателей противоположного лагеря. Это Некрасов и Салтыков-Щедрин, Маяковский и Горький. «Нам (советским людям. – Т. Д.) близок саркастический дух критических статей и рецензий Салтыкова-Щедрина, бичевавшего апологетов «чистого» искусства – всех, кто забывал о гражданском долге литературы» [19, с. 219], – пишет А. Кондратович. Главное значение поэзии Некрасова Н. Степанов видит в том, что «она глубоко идейна и выражает передовое мировоззрение своего времени в простых, ясных, реалистических формах» [34, с. 164]. К продолжателям некрасовской традиции литературовед причисляет Маяковского: «Та смелость, с которой Маяковский обратился к политической теме, к современной разговорной речи, противопоставив свой стих аполитичности и «эстетизму» поэзии буржуазного декаданса, во многом напоминает деятельность Некрасова, его борьбу со сторонниками «чистого искусства» [34, с. 167].

Имя Маяковского, названного Сталиным «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» [цит. по: 12, с. 172], в литературной критике послевоенного десятилетия становится знаменем борьбы с чистым искусством [см. : 1; 8; 12; 20; 24; 25; 34; 37 и др.]. Отмечается, что, обосновывая собственные эстетические принципы, Маяковский противопоставляет «ложной, буржуазной теории «искусства для искусства» принципы революционного утилитаризма» [3, с. 161], «вскрывает реакционность всевозможных теорий о бесцельном, бескорыстном, жреческом искусстве» и задолго до указаний партии критикует творчество Ахматовой и Зощенко [12, с. 163], сразу после революции начинает активно бороться с «наследством старья», т. е. защитниками чистого искусства в лице имажинизма и формалистической поэзии [24, с. 212].

Важным аспектом темы отношения Маяковского к чистому искусству оказывается вопрос о раннем периоде творчества поэта. Это обусловлено необходимостью разрешить противоречие между образом «”главаря” патриотической, партийной поэзии» [14, с. 221] и причастностью Маяковского к творческой деятельности подчеркнуто аполитичного, ориентированного на принципы чистого искусства кубофутуризма. Проблема осмысливается разными путями. Н. Маслин утверждает, что связь поэта с кубофутуристами изначально была «больше внешней, чем органической» [24, с. 209], что теория «самовитого слова» «была глубоко чуждой поэзии раннего Маяковского» [24, с. 209].

Н. Новиков отмечает, что поэт, решительно порвав с футуризмом, преодолев его ошибки, испытал «могучее воздействие революционного движения» и плодотворное влияние Горького [26, с. 175]. Последний, воспринимаемый в советском обществе того времени, как и Маяковский, в качестве основоположника «нового боевого искусства XX века» [12, с. 180], тоже нередко упоминается в статьях, касающихся темы чистого искусства. Цитируются и развиваются критические суждения писателя о декадентах и «искусстве для искусства», приводится в пример советским писателям горьковское понимание назначения литературы. Согласно Б. Бялику, Горький – продолжатель эстетики Белинского, Добролюбо-

ва, Чернышевского, писатель, творчество которого «уже с самого начала было отмечено страстной борьбой против теории “чистого искусства”, “искусства для искусства”» [6]. Критик обращает внимание на посещавшие Горького сомнения по поводу необходимости связи искусства с политикой и моралью. Однако далее Б. Бялик поясняет, что художественная практика писателя шла вразрез с этими суждениями, что партии, свободе от которых радовался Горький, были низкопробными по своей сути, что горьковские колебания в конечном счете были преодолены. В противоположность мнению о том, что переход Горького на позиции партийного искусства привел его творчество в упадок, критик считает, что этот шаг поднял писателя на более высокую творческую ступень.

В 1946–1956 гг. тема чистого искусства затрагивается и в ходе осмысления истории, тенденций развития русской литературной критики. Эстетические взгляды критиков революционно-демократического лагеря рассматриваются как прогрессивные в противоположность воззрениям представителей артистической школы критики, служащих, согласно Б. Рюрикову, защите «крепостнически-эпикурейского, паразитического идеала» [31, с. 228]. Появление в русском обществе XIX в. сторонников теории чистого искусства критик считает попыткой реакционеров «в трудное для народа время разоружить искусство, лишить народ слова правды и оградить его от воздействия передовых идей» [31, с. 227].

Превозносится установка революционеров-демократов на осмысление произведения искусства «в свете общественной борьбы своего времени» [18, с. 244], поощряется идеологизированный подход к художественным явлениям: «П о л и т и ч е с к а я, партийная оценка деятельности писателя – таков один из важнейших принципов ленинизма, рассматривающего советскую литературу как могучее средство коммунистического воспитания трудящихся» [45, с. 168]. С точки зрения Е. Ковальчик, ленинский принцип партийности литературы «должен стать основой основ всей деятельности наших критиков» [18, с. 243], чтобы помочь укоренить этот принцип в литературе. Аполитичность, «забвение принципов партийности в литературе и искусстве» рассматривается И. Альтманом как крупнейший недостаток критики [2, с. 182].

Таким образом, в советской литературной критике 1946–1956 гг. сохраняется укоренившийся в ней в 1930-е гг. негативизм по отношению к теории чистого искусства. Новизна рецепции этого феномена проявляется в его осмыслении на фоне новых историко-культурных реалий, появлении новых имен писателей, рассматриваемых в роли апологетов «искусства для искусства» и их противников. При этом основные направления интерпретации «искусства для искусства» в советской критике 1930-х гг. и статьях первого послевоенного десятилетия совпадают: неприятие идеи автономии искусства, порицание и разоблачение принципа аполитичности литературы и литературной критики, его восприятие как атрибута буржуазной культуры, констатация чужеродности теории чистого искусства для советского писателя, противопоставление ей принципов социалистического реализма.

Библиографические ссылки

1. *Азаров В.* У истоков песни / В. Азаров // Знамя. – 1947. – № 2. – С. 159–165.

2. *Альтман И.* Проблемы драматургии и театра / И. Альтман // Знамя. – 1946. – № 11/12. – С. 162–184.

3. *Бакинский В.* Маяковский в борьбе за социалистическую лирику / В. Бакинский // Звезда. – 1947. – № 4. – С. 158 –165.

4. Большевистская партия и советская литература / Новый мир. – 1947. – № 5. – С. 117–149.

5. *Брандис Е.* Современная буржуазная эстетика и искусство – идеологическое оружие реакции / Е. Брандис // Звезда. – 1953. – № 10. – С. 173–182.

6. *Бялик Б.* Горький и принципы партийности литературы / Б. Бялик // Октябрь. – 1947. – № 10. – С. 144–154.

7. *Данин Д.* Пути романтики / Д. Данин // Знамя. – 1947. – № 5. – С. 160–180.

8. *Дементьев А.* Партия – руководитель советской печати и литературы / А. Дементьев, С. Сутоцкий // Новый мир. – 1954. – № 9. – С. 209–226.

9. *Еголин А.* За высокую идейность советской литературы / А. Еголин // Звезда. – 1946. – № 10. – С. 167–178.

10. За большевистскую партийность литературной критики // Новый мир. – 1948. – № 12. – С. 191–204.

11. *Зарьян Н.* Партия объединила нас! / Н. Зарьян // Знамя. – 1956. – № 2. – С. 164–170.

12. *Исбах А.* Владимир Маяковский и Запад / А. Исбах // Новый мир. – 1947. – № 4. – С. 162–180.

13. *Исбах А.* О «жрецах человеческого духа» и предателях рода человеческого / А. Исбах // Новый мир. – 1948. – № 2. – С. 213–218.

14. *Караваева А.* Оруженосцы космополитизма / А. Караваева // Новый мир. – 1949. – № 9. – С. 218–234.

15. *Кирпотин В.* Ленин о Толстом / В. Кирпотин // Октябрь. – 1947. – № 2. – С. 177–186.

16. *Кирпотин В.* Пафос социального воспитания / В. Кирпотин // Октябрь. – 1947. – № 7. – С. 174–184.

17. *Ковальчик Е.* Черты современной литературы / Е. Ковальчик // Новый мир. – 1948. – № 9. – С. 225–248.

18. *Ковальчик Е.* О партийности нашей критики / Е. Ковальчик // Новый мир. – 1948. – № 6. – С. 241–251.

19. *Кожевников В.* Советская проза 1948 года / В. Кожевников // Новый мир. – 1949. – № 5. – С. 245–264.

20. *Кондратович А.* Живые заветы / А. Кондратович // Новый мир. – 1954. – № 10. – С. 219–233.

21. *Лейтес А.* Адвокаты чистого искусства и их нечистая совесть / А. Лейтес // Новый мир. – 1946. – № 10–11. – С. 229–238.

22. *Лейтес А.* Советская литература на международной арене / А. Лейтес // Новый мир. – 1947. – № 3. – С. 154–171.

23. *Макаров А.* Под направляющим руководством / А. Макаров // Октябрь. – 1954. – С. 186–191.

24. *Маслин Н.* Поэт и народ (о поэзии Владимира Маяковского) / Н. Маслин // Звезда. – 1946. – № 7–8. – С. 206–216.

25. *Мотылева Т.* Советская культура и зарубежные писатели / Т. Мотылева // Новый мир. – 1948. – № 1. – С. 198–218.

26. *Новиков В.* Против вульгаризации и сектанства в освещении творчества В. Маяковского / В. Новиков // Знамя. – 1951. – № 7. – С. 174–184.

27. *Перцов В.* Русская поэзия в 1946 году / В. Перцов // Новый мир. – 1947. – № 3. – С. 172–188.

28. *Плоткин Л.* Партия и литература / Л. Плоткин // Звезда. – 1947. – № 10. – С. 154–167.

29. *Плоткин Л.* Проповедник безыдейности – М. Зощенко / Л. Плоткин // Звезда. – 1946. − № 7−8. – С. 217−222.

30. *Плоткин Л.* Сила советской литературы / Л. Плоткин // Звезда. – 1946. − № 11. − С. 189−196.

31. *Рюриков Б.* Великие традиции революционно-демократической эстетики / Б. Рюриков // Новый мир. – 1953. – № 7. – С. 224–236.

32. *Сергиевский И.* Об антинародной поэзии А. Ахматовой / И. Сергиевский // Звезда. – 1946. − № 9. − С. 192−194.

33. *Соловьев Б.* Заметки о критике / Б. Соловьев // Новый мир. – 1948. – № 3. – С. 137–153.

34. *Степанов Н.* Некрасов и советская поэзия / Н. Степанов // Октябрь. – 1946. – № 12. – С. 164–170.

35. *Субоцкий Л.* Заметки о прозе 1946 года / Л. Субоцкий // Новый мир. − 1947. – № 3. − С. 135−153.

36. *Тарасенков А.* Космополиты от литературоведения / А. Тарасенков // Новый мир. – 1948. – № 2. – С. 124–137.

37. *Трегуб С.* Смысл двух ошибок / С. Трегуб // Октябрь. – 1947. − № 5. − С. 185−191.

38. *Турков А.* Опыт одной монографии / А. Турков // Знамя. – 1951. − № 9. − С. 182−185.

39. *Фадеев А.* Задачи литературной критики / А. Фадеев // Октябрь. – 1947. – № 7. – С. 148–163.

40. *Фрид Я.* Одиночные камеры для человечества / Я. Фрид // Новый мир. – 1947. – № 8. – С. 285–303.

41. *Чарный М.* Литературные заметки о советском патриотизме / М. Чарный // Новый мир. – 1947. − С. 250−273.

42. *Щербина В.* Литература и действительность / В. Щербина // Знамя. – 1955. – № 1. – С. 146–158.

43. *Щирина С.* В борьбе за партийность литературы: «Правда» 1912–1914 гг. / С. Щирина // Октябрь. – 1947. – № 5. – С. 159–171.

44. *Яковлев Б.* Великий принцип / Б. Яковлев // Новый мир. – 1947. − № 2. − С. 143−167.

45. *Яковлев Б.* Ленинские заветы советским писателям / Б. Яковлев // Новый мир. – 1948. − С. 155−168.

46. *Яковлев Б.* Поэт для эстетов / Б. Яковлев // Новый мир. – 1948. − № 5. − С. 207−231.

Надійшла до редколегії 15.04.2017 р.